

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

Альманах «Макаренко». 2009 г.

А. А. Католиков, народный учитель СССР

Есть люди. Давно ушедшие от нас, но оставившие такой живой и горячий след, что не можешь не ощущать их рядом с собой, переживаешь их заботы и тревоги, мучаешься и размышляешь вместе с ними. Таким остаётся для нас Антон Семёнович Макаренко.

Ещё со студенческих лет я был знаком с его друзьями и соратниками. С членами педагогического клуба МГПИ имени В. И. Ленина мы посещали Егорьевский детский дом, которым заведовал С. А. Калабалин. Позже он приезжал в Сыктывкар. Теперь дружу с его сыном Антоном Семёновичем Калабалиным, ныне директором Подмосковского детского дома. С Виктором Николаевичем Терским, заведующим клубом в колонии имени А. М. Горького, я познакомился также в студенческие годы. Встречался и с Э. Н. Фере, бывшим агрономом в воспитательных учреждениях А. С. Макаренко, был на многих встречах воспитанников великого Учителя.

Создавая новую педагогику, педагогику коллективного взаимодействия, педагогику трудового напряжения и уважения человеческого достоинства ребёнка, он находился под непрерывающимся обстрелом представителей так называемого соцвоса. Чего стоит их казуистическое утверждение: «У вас прекрасная колония, а методы воспитания ужасны». Сдерживая гнев, Антон Семёнович спрашивал, а что же тогда в других колониях? «Эти колонии ужасные, а методы воспитания прекрасные». Нынче не все помнят, что в 1928 году Антон Семёнович не ушёл из созданной его великим трудом колонии имени А. М. Горького — он был уволен из неё. А между тем до сих пор американские советологи пытаются разгадать душу русского человека по «Педагогической поэме» Макаренко.

Антон Семёнович писал свои произведения под гомон ребячьих голосов. Он любил детей неиссякаемой любовью, от которой медленно сгорал,

В. В. Бибилова. «Мы мало говорим о счастье»

от общества и государства. Ощущались ли школой и каждым учителем ориентиры на подготовку индивида, который в первую очередь заряжен на достижение личного успеха? Сомневаться не приходится.

Сегодня кивают на Украину — ах, как это там... А что в российских школах? Наше министерство образования, просвещения — непотопляемый корабль, который умудряется на протяжении всех 30 лет обходить все айсберги в виде требований общественных организаций о пересмотре тех реформ, которые настойчиво им проводятся.

Мы сегодня в открытую говорим о пятой колонне где-то среди артистов, политиков, бизнесменов и не замечаем трансформации сознания учительства. Учительство приняло идею образовательной услуги. Мы это видим и в расцвете репетиторства, и в соглашательстве с оптимизацией учебных планов, и в уменьшении количества учеников 10–11-х классов. Вместо всеобщего среднего образования — неполное среднее. Да и никто никого не упрекает и не призывает к ответственности, если ученик уходит, а вернее, его выдавливают из школы ещё раньше. Чтобы не быть голословной, приведу в пример любую детскую колонию в России. Там в школах практически нет осуждённых подростков, имеющих среднее образование. Имеются окончившие 6-е, 7-е, 8-е, 9-е и так далее классы. Между тем Макаренко неоднократно писал, что среднее образование обеспечивает отсутствие рецидивов.

Да, А. С. Макаренко пишет: «Только Октябрьская революция впервые в истории мира дала возможность родиться настоящему, принципиально чистому, нестыдному счастью... Наше счастье — это сложный, богатейший комплекс самочувствия советского гражданина. В этом комплексе любовная радость именно потому, что она не обособлена, не уединена в своём первобытно-природном значении, дышит полнее, горит настоящим горячим костром, а не теплится где-то в семейной лачуге» [4].

Так думал не только великий педагог. А. Гайдар в книге для дошкольников «Чук и Гек» писал в финале: «Что такое счастье, каждый

понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая называется Советской страной».

То же чувствовали и люди, которые 12 апреля 1961 года вышли на улицы и площади, узнав о первом космонавте. Это было то самое нестыдное, чистое счастье, когда никто никому не завидовал. То чувство объединяло, окрыляло, звало в будущее. Мне вспоминается этот день. Наша учительница Тамара Тимофеевна Долгих вошла в класс и сказала: «Уроки отменяются. Наш человек — космонавт Юрий Алексеевич Гагарин — вернулся из космического полёта». Мы бежали из школы. Звенели ручейки, таял снег. В центре, возле почты, у чёрной тарелки громкоговорителя стояла толпа людей. Они слушали сообщение из Москвы. Это были радостные люди, хотя они были в кирзовых сапогах, фуфайках. А дочь посла в Великобритании А. А. Солдатова вспоминала встречу Гагарина в аэропорту Хитроу: «Когда Гагарин вышел на трап и поднял руки в приветствии, я испытала счастье».

А. С. Макаренко пишет: «Мы научились быть счастливыми в том высочайшем смысле, когда счастьем можно гордиться. Мы научились быть счастливыми в работе, в творчестве, в победе, в борьбе. Мы научились быть счастливыми в знании, потому что знание перестало быть привилегией грабителей. Мы научились быть счастливыми в отдыхе, потому что не видим рядом с собой праздности, захватившей монополию отдыха. Мы научились быть счастливыми в ощущении нашей страны, потому что это страна наша, а не нашего хозяина... В каждом нашем ощущении присутствует мысль о человеке и человечестве, и наше счастье поэтому не только явление общественное, но и историческое. И только поэтому оно освобождено от признаков тягостной случайности...» [4]

Несмотря на то, что Макаренко в первой части статьи апеллирует к художественной литературе, он проводит мысль о том, что содержание преобразований, произошедших в стране, изменило личностные векторы отдельного

Продолжение. Начало на с. 114

ибо никогда не щадил своего сердца. Это был неугасимый огонь действенной любви, выражавшейся в неукоснительной требовательности к детям, которые воспринимали её как огромное доверие и уважение к себе.

Поистине велик был Макаренко, если до сих пор издаются голоса его хулителей: «Время Макаренко прошло! Он воспитывал беспризорников, а у нас таких нет», «Он бил своих воспитанников, он эксплуатировал их труд!», «Нам не нужны его методы, у нас есть свои!»...

Да, он воспитывал беспризорников, воров, делал из них честных тружеников. А не делаем ли мы порой из наших детей, живущих в довольстве и сытости, наркоманов и хулиганов?

Он действительно ударил воспитанника Задорова, не желавшего трудиться. Но это было отчаянное человека, захлебнувшегося в гневе и всю последующую жизнь кающегося в своём педагогическом грехопадении. А разве мы порой не уродуем изо дня в день ребёнка, не испытывая при это угрызений совести?

Мы не эксплуатируем детей трудом. Да и быть того не может, ибо нет в наших школах настоящего производительного и общественно полезного труда, который был в воспитательных учреждениях Макаренко средством развития творчества ребёнка и благородной привычки к труду.

Он живой человек, который мог заблуждаться. Он призывал нас к умению «играть» педагогический гнев, чтобы не изнашивать нервную систему, а сам гневался искренне, ибо не умел хитрить перед детьми. Он признавался, что не позволил бы себе любви без взаимности, а недавно мы узнали из публикации в «Учительской газете», что всю жизнь он безответно любил Ольгу Петровну Ракович. Мы виноваты перед Антоном Семёновичем, потому что слабо изучаем и ещё хуже внедряем его творчество в практику наших школ. Сейчас, когда идёт мощная волна демократизации школьных отношений, мы не вправе забывать педагогическое наследие великого гуманиста.

Он постоянно подчёркивал, что педагогический и ученический коллективы — это не два, один сплочённый коллектив. Где у нас такие? Дни самоуправления, когда ученики исполняют

Продолжение. Начало на с. 114

несвойственные и ненужные им роли директоров школ, классных руководителей и учителей, — игра. Не надо путать взрослые и ребячьи дела, каждый должен делать своё. Нужно соучастие в управлении школой при чётком распределении ответственности и взаимной помощи учителей и учащихся. Мы отгораживаемся от детей, исписывая красными чернилами их дневники: «Вертелся на уроке», «Играл спичками», «Смотрелась в зеркало». Антон Семёнович считал подобное дисциплинирование «педагогическим позором» учителя, которому нужно одно — чтобы ученик сидел, не шевелясь, и внимал каждому его слову. Такую дисциплину А. С. Макаренко называл дисциплиной торможения, нужной лишь самому педагогу, а не ученику с его жаждой деятельности и инициативы.

Недавно мы с замиранием сердца слушали учителя Е. Н. Ильина. Разве можно себе вообразить, что он выхватывает у ученика дневник и пишет в нём: «Прошу родителей немедленно зайти в школу». Нет, такое невозможно представить, потому что на его уроках царит «неотступное думанье», потому что ученики находятся в состоянии интереснейшего поиска, а учитель их «не учит», они вместе познают прекрасное. Любой педагог-новатор ищет, как обеспечить успех ученика на уроке, поддерживает его желание учиться, а это и есть макаренковская педагогика, педагогика сознательности и активности личности в процессе гражданского становления.

Нельзя изымать из системы А. С. Макаренко отдельные приёмы и уповать на их спасительное действие. Только целостная система великого педагога, соединённая с нашей действительностью, может стать преобразующей силой в деле перестройки всего воспитательного процесса. Воспитание — это организация деятельности, писал А. С. Макаренко.

Начиная претворять макаренковскую систему в воспитательную практику школы-интерната, мы сплачивали коллектив школы на основе организации разнообразной и в первую очередь трудовой деятельности. Ещё в 1973 году начали с капитального ремонта школьного здания. Разделившись на сводные и разновозрастные

В. В. Бибикова. «Мы мало говорим о счастье»

человека и общества в целом. Оценка изменений, которые анализирует Антон Семёнович, безусловно, классовая. Но и революция — это столкновение классов. Макаренко говорил, что воспитывает не воспитатель, воспитывает среда. А среда менялась, этого не могут отрицать даже заядлые антисоветчики. Труд. Человек труда. Процветание Родины. Укрепление её могущества. Сплочение наций и народностей для достижения целей. Раздвижение горизонтов — «Нам нет преград ни в море, ни на суше». Чтобы убедиться в этом, достаточно открыть газеты 20–30-х годов. Ориентир — человеческое счастье. Главный герой — человек труда. Как пишет А. А. Фролов в комментариях к этой статье, «достижение счастья вводится в содержание нового воспитания, его цели, в педагогическую науку. В обществе появляется “новый образ счастья”, изменяется смысл жизни человека, его жизненное предназначение. Это “последняя цель революции”» [4].

С позиций либерала сегодня можно сказать, что статья — это политический заказ. Однако это не так. Опять же следует согласиться с А. А. Фроловым, что тема счастья пронизывает «Книгу для родителей», становится ведущей во «Флагах на башнях». В мысли о счастье хорошо обозначается специфика воспитания, в отличие от обучения: «Научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его, чтобы он был счастливым, можно» [4].

В «Материалах очерка о трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского» Антон Семёнович рассуждает о своих воспитанниках: «Вы начинаете соображать, что они счастливы тем счастьем, за которое и вы, может быть, боролись и истратили не один метр ваших нервов. И тогда ваша мысль поневоле направляется к источнику этого прекрасного дела: кто это придумал, кто это так разумно, с такой любовью к детям, с таким уверенным знанием создал это детское счастье, кто это смог не испугаться идиллии, советской идиллии, о которой и вы мечтали, и которая, как потом оказалось, называется социализмом? Счастье здесь не от папашиного капитала, не от жизни беззаботной, не от паразитического обжорства, не в слое разведённого жирка, покрывающего

мускулы, а счастье в рабочем усилии, в ощущении самих мускулов, в просторной дороге вперёд, по которой идут миллионы трудящихся, в этом слиянии с мировым делом. Счастье в том, что уже не может быть стыдно от паркета, цветов и зеркал, счастье в настоящей человеческой свободе». И далее: «Тем более что социализм — это не остановка, это тоже движение, и движение вперёд» [3].

Таким образом, социализм — это то, о чём пели: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». И вот в этом движении вперёд воспитанник не должен был потеряться. Он должен был ощущать этот ритм жизни, быть частью целого. Мне вспоминается Елена Николаевна Дубровская, директор лицея № 103 города Железнодорожска, которая в 1990-е годы, презентуя свой лицей, сказала: «Цель нашего лицея — подготовка выпускника, способного преобразовывать мир». Это мог сказать только смелый и, несомненно, счастливый человек, потому что ясно видел, что без дерзости молодой энергии невозможно раскрыть потенциал юности. А в это время на всех площадках говорили о социализации как главной цели.

Жизнь усложняется. Сегодня идёт специальная военная операция. Какие изменения происходят в обществе, какие будут последствия и трансформации? Единомыслия нет. Но, собственно, его не было никогда.

В условиях развития цифровых технологий искушение использования их стратегических преимуществ может быть ограничено только возможностями и моральными принципами людей, ими владеющих. Наши заклинания о том, чтобы дети больше общались между собой, читали книги, меньше висели в телефоне ни к чему не приводят. Вместо общения со сверстниками они предпочитают сетевые взаимодействия. Это не только проблема нашей страны, нашего образования. Как пишет Киссинджер, «киберпространство бросает вызов всему человеческому опыту. Угроза, возникающая из киберпространства, неясна и расплывчата, её трудно охарактеризовать... В современном мире человеческое сознание формируется через “фильм”, подобного

Окончание. Начало на с. 114

отряды, чётко распределив обязанности, ведя каждодневную отчётность, осуществляя работу-заботу о себе и малышах, ожидавших в лагере окончания ремонта, строили тот стиль макаренковских отношений, которые называются ныне педагогикой сотрудничества. Закончив ремонт школы, мы многие годы строили пионерский лагерь в Межадоре, а сейчас идёт новая реконструкция школы. «Остановка — смерть коллектива», — утверждал А. С. Макаренко, вот мы и не даём себе расслабиться.

А. С. Макаренко писал, что труд сам по себе есть процесс нейтральный. Ребёнок может сколько угодно копать погреб и от этого не станет лучше и воспитаннее. Наши школы упорно продолжают копать этот злополучный погреб, закапывая в нём бесценные идеи Антона Семёновича о трудовом воспитании детей. Он утверждал, что воспитывает не сам труд, а его организация. Создание разумных трудовых коллективов, придание труду творческого характера, ощущение каждым ребёнком пользы и значимости его работы, сочетание труда «для себя» с бескорыстным трудом для общества — вот что создаёт нравственную личность в процессе трудовых усилий.

Мы не мыслим себе воспитание мальчишек, воспитание трудных ребят без общения с техникой, ибо в самой технике заложены элементы творчества, требующего от овладевающего ею смекалки, инициативы.

Однажды приехав в лагерь, я увидел, как Вовка Попов до последнего винтика разобрал новый трактор. Увидев эту грудку металла, я остолбенел. А Вовка, тогда семиклассник, заверил меня: «Не волнуйтесь, я его снова соберу...» И, действительно, собрал, да так, что трактор стал работать лучше прежнего. Вовка Попов был нашим лучшим трактористом, пошёл в сельскохозяйственное ПТУ, а теперь, после армии, работает в Межадорском лагере. Мы, педагоги, обретаем новые, невиданные прежде возможности для творчества, для развития воспитательского мастерства. И на этом пути рядом с нами идёт Макаренко, наш современник. **НО**